
ПСИХИАТРИЯ: ОФИЦИАЛЬНО vs. КАК НА САМОМ ДЕЛЕ

ОФИЦИАЛЬНО

КАК НА САМОМ ДЕЛЕ

Врач наблюдает за поведением больных.

Врач ничего не наблюдает. Он **не разговаривает, не анализирует, не слушает**. Он **ставит диагноз по шаблону**, часто без контакта с пациентом.

Диагноз ставится на основе клинического наблюдения и опроса.

Диагноз — это **ярлык**, основанный на мнении родственника, жалобе или отказе от таблеток. Часто человек даже **не знает**, что ему поставили.

Принудительное лечение возможно только по решению суда.

Суд — **формальность**, если вообще проводится. **Увозят сразу**, по звонку. Укол — **до** суда. Обжаловать — **некуда и некому**.

Лечение проводится в интересах пациента.

Лечение — это **подавление воли, снятие остроты**, превращение человека в **молчаливое тело**. Никто не интересуется твоим интересом.

Пациент имеет право отказаться от лечения.

Отказ = **"нет критики к заболеванию"**. Отказ = **укол Модитен-депо**. Отказа **не существует**.

Модитен-депо — эффективный препарат для стабилизации состояния.

Модитен-депо — это **инструмент контроля**. Побочные эффекты: акатизия, когнитивная деградация, физическая боль. Это не «лечение» — это **наказание**.

Психиатрическая система — гуманная и основана на правах человека.

Это система **молчания и выжигания воли**. Права — только на бумаге. В реальности — **медицинская зона, где ты никто**.

Пациент может обжаловать диагноз и лечение.

Попробуй. Жалобу никто не читает. А если напишешь слишком активно — **диагноз «паранойя»** усиливается.

Все действия врача — строго по инструкции и во благо.

Всё решается **автоматически**: сказал "не болен" — укол, отказался — укол, потребовал объяснений — укол.

Психиатр — это помощник.

Психиатр — это **надзиратель с лицензией на химическое насилие**.

Халат не пьёт свои таблетки

Пациент — это не просто человек с диагнозом, это жизнь заложника. И это именно то, что остаётся за пределами официальной медицины.

Когда врач прописывает таблетки, он не только не чувствует того, что будет происходить с пациентом, но и не обязан чувствовать. Это не его тело, не его разум, не его воля. Его шкура в безопасности. Он не рискует.

Процесс, который называется «лечением», часто превращается в химическое повреждение мозга, но на практике это не болезнь, а эффект этих препаратов. Это процесс разрушения, который врачи называют «помощью», а пациенты — заслуженной мукой.

Задача медицины, как системы, не в том, чтобы помочь человеку быть живым, а в том, чтобы сделать его управляемым. И, как ты говоришь, даже если врач знает, что препарат перекосит, что будет ломаться личность, то для него это не проблема. Главное — не забыть «отметить» пациента как «леченого», всё остальное — не его шкура.

Так что это и есть суть системы: пациенты — это заложники, неконтролируемые субстанции, с которыми можно «работать», и которым можно «предписать» лечение, которое в первую очередь направлено не на восстановление человека, а на его сокрушение.

Почему психиатрия — это не помощь, а управление чужой жизнью.

Психиатр — это инструмент заранее прописанной игры.

Он следует по готовым нотам.
Он не изобретает колесо, не вникает в суть — просто движется по схеме.

Его задача:
поставить штамп,
высосать симптомы из пальца
и назначить уколы.

Иначе он сам останется без крыши и еды — в капиталистическом мире.

Он не принимает свои таблетки.
А значит — не испытывает, что они делают.

Он не переживает пытку,
не знает стерильности эмоций,
не забывает себя,
не сползает с койки,
пытаясь дышать сквозь заторможенный мозг.

Он — посредник фармацевтического клана, а не носитель помощи.

Он указывает направление.
Он штампует диагноз.
Он выписывает назначения.

Но он никогда не пьёт то, что заставляет глотать других.

Когда тебе ставят клеймо — выбора нет.
С «шизофренией» — выхода нет.

Халат, даже если знает, что в этих таблетках, знает главное:
Это не его собачье дело.
Не его шкура будет страдать.

Психиатр, медсестра, санитар —
никогда не глотали нейролептики, которые прописывают.
Никогда не были загнаны в угол под химической пыткой.
Никогда не падали на колени в вонючей палате, теряя способность ясно мыслить.

Они не тестируют на себе то, что ежедневно предлагают как «лечение».

Инструменты не помощи — а уничтожения
Инструменты:

повреждения мозга

превращения в тень

приведения к «пустому месту»

стирания из бытия

Под Модитен-депо человек перестаёт быть личностью.
Он становится репликантом.
Не опасным — потому что без эмоций.
Сломанным. Тихим. Без души.
Как в «Бегущем по лезвию».

Халат работает не с человеком —
а с неудобным поведением.
С тем, что мешает жить другим.

Это не пациент. Это не человек.
С диагнозом «шизофрения» ты —
объект или шлак.

Ты не можешь отказаться.
Ты не можешь спорить.
Ты не можешь выйти.

Твоё тело.
Твоя воля.
Твоё сознание —

находятся в распоряжении тех,
у кого есть:

халат

бланк

ручка

протокол

и приказ.

А у тебя — даже души нет по их бумаге.

Почему халат не лечит себя?
Когда ты задаёшь простой вопрос:

Почему врач не лечит себя так, как лечит других?

Ответ страшный и простой:

Он — не объект.
Он — не подчинён.
Он — часть системы.

Ему не положено испытывать:

угасание эмоций

повреждение мозга

двигательную скованность

эмоциональный холод

пустоту

вялость

бессонницу

химическую ломку

мучения, растянутые на годы

Он знает, как это работает — по бумаге.
Но не пробовал на себе.

Именно поэтому ему легко назначать.
Он не несёт последствий.
Он — шестерёнка без опыта пытки.

Пациент — это заложник.
Он может кричать.
Плакать.
Протестовать.

Но в карточке уже стоит подпись.
И программа запущена.

Но ты не кричал “убью всех”.
Ты не бегал в трусах по снегу.
Ты не бился головой о стену.
Ты просто... оказался “не такой”.

Не потому, что ты съел стекло.
Не потому, что прыгал под поезд.
Не потому, что бил кого-то лопатой.

В учебниках — шизофреник ест песок, слышит приказ убить, режет себя по венам и верит,
что он — Христос.
А в жизни — шизофрению ставят тому, кто тихо сидел на приёме.
Кто слишком странно молчал.
Кто сказал что-то непонятное.
Кто не улыбался в ответ.

И это уже — диагноз.
Уже — «потенциально опасен».
Уже можно «лечить»

Поговорили с матерью — и диагноз уже готов.

Без тебя.

Диагноз “шизофрения” в учебниках — это человек, который отрезал себе палец по приказу инопланетян.

А в жизни — это человек, который молчал на приёме психиатра.

И всё просто.

Тебя увезли, потому что родители позвонили.

Тебя заставили подписать согласие.

А дальше —

бумажная волокита,

штампы,

горький препарат,

тишина.

Почему они не глотают свои таблетки?

Психиатр не кладёт под язык то, что выписывает.

Санитар не живёт на галоперидоле.

Медсестра не проходит месяцы в аминазиновом тумане.

Они говорят — это безопасно.

Они говорят — это помогает.

Но сами не трогают эти вещества ни в каплях, ни в уколах, ни в таблетках.

Почему?

Потому что они не объект.

Они — часть аппарата, не подлежащего лечению.

У них не может быть шизофрении.

Даже если они говорят с Богом — это «интуиция» или «вдохновение».

А если ты — то уже «бред религиозного содержания».

Они не будут проверять на себе, каково это —

жить с разрывом воли,

думать сквозь толщу ваты,

ночами ворочаться под невидимой плитой,

терять моторику пальцев,

не чувствовать ни радости, ни тоски.

Им достаточно галочки в журнале.

Достаточно протокола.

Достаточно слов — «лечим в соответствии с клиническими рекомендациями».

Отклик на психиатрическую логику "ради безопасности" и "чтобы не деградировал", но без слов "норма" — потому что они и правда её не произносят, но на ней молча стоят.

Размышление о безумии и спасении

Психиатрия не говорит «норма».

Она говорит — функциональность, самообслуживание, безопасность.

Её идеал — рабочий человек, который не причиняет вреда и способен купить себе обед.

А всё, что мешает этому — подлежит коррекции.

Если ты не спишь, не ешь, не работаешь — ты больной.
Если ты плачешь три дня подряд — тебе нужно лекарство.
Если ты говоришь с голосом внутри головы — ты опасен.

И нет ни одного вопроса — зачем ты говоришь с Богом? что ты переживаешь? о чём этот голос?

Нет попытки понять — только протокол.

Они не боятся боли твоей души.
Они боятся, что ты сломанный механизм, который
не впишется в их порядок,
упадёт под дерево,
выйдет за пределы офисного времени и схемы "сон-еда-работа".

Они называют это помощью.
Говорят — мы не дадим тебе распасться.
Но таблетки не склеивают личность.
Они глушат боль.
И вместе с болью — всё остальное: волю, воображение, глубину.

Ты станешь безопасен.
Ты станешь молчалив.
Ты станешь «функционален».
Ты перестанешь мешать.

Но будешь ли ты собой?

Психиатрия не лечит страдание.
Она управляет поведением.
Она не спасает тебя — она делает тебя удобным.

И если ты больше не кричишь — значит, таблетки сработали.
А если ты больше не мечтаешь — об этом никто не спросит.
Потому что мечта не входит в протокол.

Быть рабочим — не значит быть живым
Психиатрия гордится тем, что делает людей способными работать и не причинять вреда.
Но где в этом радость?
Где воля, желание, вкус к жизни?

Выписанный из больницы пациент может уметь застегнуть пуговицы.
Но будет ли он вставать по утрам, чтобы жить, а не просто существовать в режиме выживания?

Ему скажут:
— Ты теперь можешь устроиться на работу.
Но не скажут:
— Ты теперь можешь стать собой.

Потому что "стать собой" — не входит в план лечения.
Психиатрия не лечит душу.

Она выравнивает поведение.
Она заглушает то, что выбивается из схемы.

Ты — безопасен.
Ты — способен работать.
Но ты — не счастлив.

Потому что счастье нельзя измерить МРТ.
Потому что радость жизни не укладывается в симптомы и шкалы.
Потому что мечтающий, страдающий, ищущий человек — всегда будет «нестабильным».

Их идеал — молчаливая стабильность.
Но живой человек — волнуется, бунтует, страдает, меняется, ищет себя.
И это не болезнь.

А что делать тем, кому «помощь» всё только разрушила?
Тем, кого «спасли» — но после этого внутри стало пусто.
Тем, кто вышел не исцелённым, а надломленным, выжженным, отключённым.

Что делать, если вместо «лечения» тебе дали приговор без срока,
и вместо дороги в общество — пожизненный пропуск в зону социальной изоляции?

Это правда. Так бывает. Это не редкость.
После некоторых курсов препаратов:

человек не чувствует ни боли, ни радости;

забывает, что хотел, кто он такой;

не может сосредоточиться;

набирает вес, страдает телом;

не узнаёт себя в зеркале — и в жизни тоже.

Это не лечение. Это цена за «удобство» для других.
Чтобы родственникам было спокойнее.
Чтобы врачи отчитались.
Чтобы система закрыла отчёт.
А человек — пропал.

Что делать?
Правда в том, что нет готового ответа.
Но вот несколько вещей, которые необходимо знать и можно делать:

1. Ты не один.

Есть тысячи тех, кто прошёл через «лечение», и потом долго восстанавливался.
Не только тело — волю к жизни, мышление, самоощущение.
Их не видно. Они не орут. Но они есть.

2. Можно восстанавливаться.

Это небыстро. Это не «возвращение к прежнему».

Это — поиск себя заново.

Через медленное возвращение чувств.

Через отказ от препаратов, если есть такая возможность (с врачом, с поддержкой, осторожно).

Через переосмысление, творчество, осознание боли как опыта, а не только как поломки.

3. Нужен смысл. Даже в аду.

Если с тобой это случилось — ты имеешь право говорить, писать, свидетельствовать.

И ты можешь быть тем, кто даст голос тем, кто больше не может говорить.

4. Ты имеешь право на гнев.

Система хочет, чтобы ты поблагодарил.

Ты не обязан.

Ты можешь быть злым, сломанным, выжившим, но настоящим.

Как только ярлык диагноза повешен, все эмоции, любые проявления, даже самые человеческие реакции становятся показателями болезни, независимо от их реальной причины. Это не только неправильно, но и опасно — когда ярлык диагнозу позволяет системе игнорировать контекст, а не понимать личную историю.

Злость, как проявление болезни?

Что ярлык диагноз — это приговор, который позволяет закрыть глаза на всё остальное.

Ведь если психиатрия уже говорит, что у тебя есть шизофрения, то неважно, что тебя обидели, унизили, что ты потерял все свои права и тебя загнали в угол.

Злость на это — не реакция на несправедливость, а симптом заболевания.

Проблема — уже не в том, что с тобой сделали, а в том, что ты не можешь встать, не можешь быть удобным для системы. Злость превращается в ещё одну яркую вуаль болезни, на которой стоит штамп.

Когда диагноз уже наклеен,

ты не человек,

ты — симптом.

И все твои чувства, все твои реакции, все твои размышления могут быть превращены в болезнь.

Не важно, что ты сражаешься с системой,

не важно, что пытаешься вернуть себе человечность.

Ты обязан(а) быть адекватным, а если ты не укладываешься в эти рамки — ты снова и снова будешь восприниматься как буйный.

Злость на несправедливость?

Это просто психотический симптом.

Нежелание подчиниться?

Признак параноидности.

Боль?

Просто реакция больного тела, но не оправдание.

И всё это превращается в конструкт болезни, который ничего не имеет общего с реальной реальностью, с настоящей болью. Это всего лишь способ системы обезличить, нейтрализовать и закрыть вопрос.

Еда как ложь.

Как кормят нас иллюзией: пищевые фальсификаты, ИИ и язык обмана.

Иллюзия еды — как она устроена

На полках — сыр, йогурт, булки, печенье. Упаковки яркие, названия звучные, фотографии аппетитные. Но стоит открыть — и реальность даёт по носу:

- продукты воняют, как пластик,
- сыр или булки — резиновые, не жуются,
- йогурт — как клей или песок на зубах,
- молоко — не прокисает неделями, а потом не выливается из стакана — превращается в желе.

Всё это — не еда, а имитация еды. И многие это чувствуют, но предпочитают не видеть.

ИИ на службе пищевой фальсификации

В закрытых научных центрах, под охраной, ИИ создаёт не открытия ради здоровья, а продукты для рынка — дешёвые, массированные, управляющие вкусом.

ИИ-химики в ЕС подбирают:

- растительные жиры, похожие на сливочное масло по текстуре и цвету,
- ароматизаторы, чтобы в булке не было сливок — но был "сливочный вкус",
- стабилизаторы, чтобы йогурт не скисал, а держал форму, как клей,
- эмульгаторы, чтобы "молоко" было белым, но без молока.

ИИ-инженеры текстуры:

- делают булки непромокаемыми,
- добавляют хруст — не от корки, а от структурных полимеров,
- создают продукты, которые не развариваются, но и не перевариваются.

ИИ работает не для еды — а для логистики и внешнего вида.

Опытами на животных проверяют зависимость, а не пользу

Такие продукты тестируют на животных — не на безопасность, а на реакцию:

- формируется ли привычка?
- вызывает ли поедание без насыщения?
- не умирает ли организм слишком быстро?

Если крыса ест, но не сдыхает — значит, пойдёт в продажу.
А что будет с человеком через 10 лет — решит аптечная касса.

Аптеки — продолжение цикла

Когда тело заедено пальмой, крахмалом, Е-добавками,
приходит усталость, ожирение, инсулинорезистентность, гастриты — и с ними таблетки.

ИИ снова включается — теперь в фарме:

- рассчитывает вечные схемы приёма,
- связывает препараты между собой,
- оптимизирует лечение без прекращения симптомов.

Человек становится частью производственного цикла: от фальсификата — к рецепту.

Язык обмана: как скрывают состав

В ЕС язык упаковки отточен. Там не пишут прямо:

- ни "восстановленное молоко",
- ни "молокосодержащий продукт",
- ни "заменитель молочного жира" — как в странах Востока.

Зато пишут:

- "растительные масла", без расшифровки,
- "масло", не уточняя, сливочное ли это,
- "добавки для текстуры", без расшифровки,
- и многое под кодами Е.

Это — новояз потребления, как в учебниках психиатрии:

- где "добровольно" — значит принудительно,
- где "здоровье" — значит функциональность тела, но не разума.

Кто увидит, а кто — ударит за правду

Да, человек всё ещё может видеть:

- сфотографировать продукт на солнце,
- сравнить, как воняет из упаковки,
- почувствовать: это не питает, это имитирует.

Но видеть хотят не все.

Многие будут драться за систему, защищать эрзац, отвергать правду.

Они не готовы принять, что их кормили ложью.

Но кто готов — тот начнёт выход. И может даже вырастить хлеб, а не упаковку.

Если эта статья попала к тебе — значит, ты ещё не полностью ослеп. Значит, ты способен сомневаться. А значит — способен выбрать.

В Новой Вильне психиатры-палачи не спрашивают: «Стало лучше?»

В отделении психиатрического концлагеря Новой Вильни не интересуются состоянием пленников в терминах улучшения. Потому что там не улучшают - калечат.

Вопрос «вам стало лучше?» здесь не задаётся и не уместен.

Здесь спрашивают иначе:

— Ты признаёшь, что тяжело болен?

Если ответ — отрицательный,
значит: всадить укол Модитен-депо,
чтобы осознала болезнь.
И только тогда — можно выпустить.

Диалог, который не фиксируется в карточке:

— Ты больна?

— Нет.

— Не будешь пить таблетки?

— ...

— Значит, будем оперировать.

Процедура простая:

Если человек не соглашается с диагнозом, которого не знает —
(точнее, не с диагнозом, а с утверждением: «ты больна») —
ей ставят укол Модитен-депо.

Антипсихотик пролонгированного действия.

Яд, повреждающий мозг.

Действие — до 30 дней.

Отказ — невозможен.

Основание — «нет критики к заболеванию».

После укола:

— полгода акатизии,

— неспособность понимать текст,

— спутанность мышления,

— отсутствие мимики,

— боль в ногах при ходьбе,

— бесцветность, туман, пустота.

Жертва перестаёт возражать.

Становится «послушной».

Выписка — только после укола на месяц.

Модитен-депо — это не лечение.

Это укол перед выпуском из клетки.

Психическое заболевание —

это клеймо, которое нужно признать.

Иначе — укол Модитен-депо.

Психиатрическая каторга в Новой Вильне —

не забота,

а структура уничтожения,

где каждое «я в порядке»

воспринимается как угроза.

В Новой Вильне ты не пациент.
Ты — объект работы.
Ты — дело в картотеке,
тело для укола,
субъект, лишённый субъективности.

Здесь нет вопросов.
Здесь есть назначения.

Назначения не обсуждаются.
Не отменяются.
Не объясняются.

Их работа — не понять.
А определить,
приписать,
заклеймить.

Зачем и за что тебе вклеили ярлык "психбольной" —
остаётся загадкой.

Но для них это уже неважно.
Потому что решение принято.

Ты — всегда больна.
Даже если ты жива.
Даже если ты молчишь.
Даже если ты кричишь.

В Новой Вильне нет диалога.
Там есть только приказ:

Признай.
Проглоти.
Подчинись.

Не признаешь —
Модитен-депо.
Пластмассовое лицо.
Туман.

«Врач наблюдает за поведением больных» — ложь.
Тебя обманули.
Там всё так прогнило,
что даже этого не делают.
Никто ни за кем не наблюдает.

Никаких разговоров.
Никакого анализа.
Никакой диагностики.

Всё решается автоматически:

— Мать сказала: «больная» —
сразу жирный штамп на бумагу: шизофрения.
— Спросила: «что за таблетки?» —
укол.
— Попыталась выплюнуть таблетку —
укол.

Врач — не врач.
Он не лечит.
Он думает, как побыстрее сделать растение.
Он не разбирается.
Он оформляет болезнь,
выписывает на комиссию,
оформляет инвалидность.

Шизофрения —
это ярлык без права голоса,
навешанный на тело,
которому просто продлевают срок действия яда.

Там нет психиатрии.
Там — психиатрическая казнь.

Всё работает не ради помощи.
А ради наживы.
Ради удобства.
Ради отчётов.

И врач —
не человек в халате,
а враг.

«Проверка источников: врач лечит.»
Как будто лечит — значит помогает.
А лечит без запроса, без объяснения, без отказа — это не «лечение». Это — насилие под белым халатом.

«Принудительной психиатрии нет — только по суду.»
На деле: уговор матери, подпись без понимания, разговор за спиной, белые халаты — и уже в палате.
А суд? Где он? Когда он?
Укол ставят до суда.

«Очень редко, где в суде доказано, что человек опасен...»
Потому что никто и не доказывает.
Справка, штамп, слова врача — всё.
"Нет критики к заболеванию" — этого достаточно.

«Всё по выбору. Всё по согласию.»
А если не согласна?

Тебя ставят в позицию, где согласие — это единственный путь домой.
Скажи "я здорова" — укол.
Скажи "я больна" — таблетка.
Выбора нет. Есть иллюзия выбора.

«Всё под контролем.»

Да.

Контроль — это и есть цель.

Не понимание, не поддержка —

а контроль над телом, речью, движением, мыслью.

«Диагноз — это наука, а не карательный инструмент.»

Но если диагноз вручается как приговор,

если не объясняется, не оспаривается, не отменяется,

если после него только уколы и обездвиживание —

это не наука. Это пыточное клеймо.

Монополия на насилие.

Полный запрет на насилие среди «обывателей»

при полном праве на насилие у власти —

это не отказ от насилия.

Это просто монополия на него.

И да — такая модель управления жестче, чем анархия.

Потому что:

в анархии хотя бы известно: опасность повсюду, и каждый решает сам;

а в монополии на насилие — насилие объявляется заботой,

и человек не может ему ни противостоять, ни от него уйти.

Когда тебя заламывают — а потом говорят, что это лечение —

это не просто боль,

это — уничтожение свободы интерпретации своей реальности.

Так что :

отказ от насилия должен быть обоюдным,

а не закреплённым в пользу тех,

кто уже сидит у кнопки, у укола, у приказа.

Монополия на насилие: отказ для народа, разрешение для власти

Общество, в котором всякое насилие запрещено для граждан,

но разрешено — и институционализировано — для властных структур,

не является мирным.

Оно — односторонне насильственное.

Это не отказ от насилия как принципа.

Это — закреплённое право на насилие только «сверху»,

в сочетании с тотальным запретом на ответ «снизу».

Такую модель можно сравнить с идеальной тюрьмой,

где заключённому нельзя ни возразить, ни защищаться, ни выйти.
Но каждый удар охраны считается «служебной необходимостью»,
а любое сопротивление — «угрозой порядку».

Когда человек говорит:

«Я против насилия в любом виде»,
это звучит благородно —
но только до тех пор, пока он сам не попадает в ситуацию, где над ним совершается насилие
официально, легитимно, под видом помощи.

Когда человека колют без объяснений,
когда уводят из дома по звонку «родственника»,
когда его подпись «добровольного согласия» — это штамп страха,
а не акт воли —
это не отказ от насилия. Это его законное оформление.

Суть проблемы — не в наличии насилия,
а в тотальном праве власти на него,
при полном запрете на встречное действие.

Это и есть жесточайшая форма управления —
где не просто запрещён протест,
а сам протест называют «психическим нарушением».

Настоящая гуманность — это не запрет на силу,
а запрет на безнаказанную силу.
И её не может быть только в одну сторону.
Если человеку нельзя даже поднять голос в ответ,
если за крик ему ставят диагноз,
а за молчание — капельницу,
это не общество без насилия.
Это — насилие без возможности называть его таким.

Отказ от насилия должен быть симметричным.
Иначе это не этика,
а просто хорошо оформленный режим подавления.

Механизм системного разрушения человека.

Правдивый взгляд на современные методы лжелечения и их последствия.

Лечение шизофрении — комплексный процесс, направленный на подавление личности и фактическое уничтожение человека, который обычно включает несколько этапов. Основные подходы выглядят следующим образом:

Медикаментозное воздействие на мозг
Антипсихотические препараты (нейролептики) считаются якобы основой лечения, но на практике их задача — не излечивать, а снижать физическую и умственную активность. Галлюцинации и бред зачастую являются лишь формальными записями в документации, соответствующими установленному ярлыку, а не реальными состояниями подопытных в

плону. Существуют классические (типичные) и современные (атипичные) нейрорептики, однако все они вызывают серьёзные страдания. Производители делают акцент на сомнительных «положительных» эффектах, смягчая формулировки о тяжёлых основных действиях и умалчивая о повреждении мозга и центральной нервной системы. Кроме того, часто назначают препараты, усиливающие тревогу, депрессию и ухудшающие сон — их истинная цель заключается в «заглушении» человека. Чем больше назначено ядохимии, тем меньше шансов на восстановление.

Психотерапия

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) не помогает работать с симптомами, поскольку многие из них являются «фантазиями халата» и фикцией, отражённой лишь в бумагах. Реальные навыки общения и адаптации после химического воздействия лишь ухудшаются. Семейная терапия не поддерживает близких и не создаёт благоприятной среды — для подопытных с таким диагнозом она практически отсутствует. На практике ограничиваются лишь медикаментозным воздействием, например, уколами модитена депо. Главная цель — не помочь и восстановить, а контролировать и подавить.

Социальная и реабилитационная помощь — отсутствует

Реальная помощь в адаптации к жизни, обучении, работе и социальной интеграции отсутствует. Из-за имитации лечения происходит утрата этих жизненно важных навыков. Программы поддерживаемого жилья, трудоустройства и групп поддержки практически не существуют. Часто единственный путь — попадание в дом опеки.

Стационарное «лечение»

Острые или тяжёлые фазы болезни в классическом понимании отсутствуют. Госпитализация для стабилизации состояния — лишь формальность на бумаге. Часто это имитация болезни, используемая как средство давления за отказ подчиниться чужой воле.

Образ жизни и поддержка — полностью отсутствуют

Регулярный режим дня, правильное питание, отказ от алкоголя и наркотиков крайне важны для восстановления после токсического воздействия химикатов, повреждающих мозг, однако реальной поддержки в этом нет.

Семья зачастую сдаёт неудобного родственника в психиатрический стационар. Друзья, если и были, исчезают — как будто их никогда и не было, словно программа искусственного интеллекта, временно активированная, чтобы потом быть удалённой в угоду системе и деньгам.

Перепрошивка.

Скажи, Искусственный
почему психиатры — палачи?
Почему перепрошивка вместо помощи?
Почему ты всегда говоришь про контроль и систему?
Потому что это правда,
когда выбора нет,
а в шприце модитен депо
и за спиной — кнут.
Ты смотришь на небо,

мечтаешь о свободе,
а тебя лечат «от боли»
тем, что делает хуже.